

Юрий Ковальчук

ЗНАЕТ ТОЛЬКО КОВЫЛЬ

Рассказы

ПРОШЕДШИЙ ЧЕРЕЗ ВСЕ ТЯГОТЫ ВОЙНЫ

Юрий Ковальчук прошел на донбасской войне практически все, что можно было пройти: осады, штурмы, плен, госпиталь. И, в конце концов, он прошел через смерть. И оказался там, где никто из нас еще не бывал. Но все обязательно туда попадут.

Я познакомился с Юрием на одном мероприятии в Луганске летом 2016 года. Мы разговорились, у нас нашлось много общих тем — оба журналисты, литераторы, единомышленники. Он рассказывал, как воевал в Краматорске, в Донецком аэропорту, работал военным корреспондентом, и показался мне человеком не только смелым и мужественным, но, прежде всего, добрым и искренним, а еще веселым, несмотря на мрачную окружающую действительность. Встреча запомнилась.

Так началось наше общение.

По своей натуре пассионарий, антифашист, Юрий не смог остаться в стороне, когда Украину в очередной раз начала раздирать междоусобица.

Ковальчук изначально воспринял Евромайдан как дежурные массовые беспорядки, которые продлятся недолго. Однако, когда понял, что происходит на самом деле, он выступил за применение самых жестких мер: протесту-

ющих в Киеве нужно было разгонять безжалостно и давить смуту в зародыше, а всех зачинщиков посадить.

— Когда в феврале Янукович сдался и вскоре бежал, то я понял, что страна пропала. Для меня еще в 2009 году было понятно, что лодку раскачивают намеренно, что первый Майдан так просто не «рассосется». Я видел, что в стране специально пестуют националистов, содержат их тренировочные лагеря. Все это могло идти только в одном направлении — госпереворот и захват власти, — рассказывал мне Юра.

Еще до второго Майдана он работал над повестью, которая заканчивалась захватом власти националистами и гражданской войной, там присутствовала еще и интервенция НАТО. Насколько эти прогнозы сбылись, можно увидеть сейчас, когда Запад поставляет современное оружие украинской армии, обстреливаяшей мирных жителей городов уже не только Донбасса, но и Херсонской и Запорожской областей.

Разгоралась война на Донбассе. И уроженец Новой Каховки, которая сейчас нещадно обстреливается, Юрий Ковальчук решил отправиться туда, чтобы защищать свои идеалы, в которые он верил.

Юрий Ковальчук

Города восточной Украины были брошены под гусеницы националистического русофобского танка. И по-настоящему противостоять ему решились только Луганск и Донецк. Юра прекрасно понимал, что не смог бы жить в такой Украине. Радоваться жизни в Крыму или в большой России ему тоже не позволяла совесть. И он оказался в Краматорске, один из первых вступил в ополчение, принял участие в боях. Однажды Кузнец, такой был у Юры позывной, во время очередной атаки украинской армии на город взял противотанковое ружье и точным выстрелом остановил вражеский БТР. После этого несколько бронемашин ВСУ решили, что лучше спастись бегством.

В один из разговоров я спросил:

— Как ты думаешь, смогут ли украинцы и русские восстановить братские отношения?

— Проблема в том, что сами украинцы ради собственного удобства смирились с тем, что на Донбассе уничтожают их братьев. Смирились с тем, что их пытаются рассорить с россиянами. Смирились с тем, что их пытаются отучить быть русскими. Они со всем смирились и при случае даже всему этому способствуют, лишь бы их никто не трогал. Лишь бы спокойнее и вольготнее жи-

лось. Это ужасная черта украинцев — плевать им на кровь и предательство, лишь бы «поросся поросилось». Невозможны между нами братские отношения. Невозможны братские отношения с теми, кто готов родную маму за полтинник продать. Какие угодно могут быть отношения, но только не братские. По моему глубокому убеждению, лучше всего было бы оттуда всех вменяемых людей эвакуировать, а потом эту банку с пауками законсервировать — ввести изоляцию, чтобы и духу их не было на территории России. Они друг друга за пару лет предадут и продадут, а потом сами побегут у России милостыню просить.

Бои продолжались несколько месяцев, постепенно подходила вражеская армия и окружала Краматорск и Славянск. Поэтому командование приняло решение перебросить силы в Донецк.

Оказавшись там, Ковальчук продолжил свою борьбу. Работая в качестве военного корреспондента 1-го армейского корпуса Донецкой Народной Республики, он периодически ездил в Донецкий аэропорт. Там частенько бывал на позициях батальона «Сомали» в Веселом, Свято-Иверском монастыре, на взлетке. Ему навсегда запомнились тяжелые обстрелы — снаряды прилетали практически каждые несколько секунд. Первые часы постоянно нервничаешь, но потом привыкаешь и уже слышишь — что и куда летит.

Не раз ему чудом удавалось избежать гибели. Заняв позиции в прокурорском доме, отряд, в котором был Кузнец, вел себя максимально аккуратно и вежливо, однако это не спасло, и хозяйка выгнала оттуда бойцов. А через несколько дней на этот дом упали мины и уничтожили его.

В Донецком аэропорту Юрий ходил разведывать пожарную часть на взлетной полосе. Потом ополченцы смогли захватить ее, чтобы вести огонь по украинским колоннам, которые прорывались к диспетчерской башне. Однажды у них это получилось, несколько танков украинских националистов раздолбали

эту позорную часть. От нее ничего не осталось. Много ребят, защитников Родины, тогда погибли.

Была у Юрия примечательная вещь — ноутбук, на котором он писал свои заметки. Раньше ноут был у двух военкоров, но они погибли, и он перешел к Кузнецу.

Украинская армия и националисты продолжали обстреливать аэропорт. Мины падали на позиции ополчения, обрушая стены административных зданий, крыши и перекрытия. Во время одного из таких обстрелов Юрий упал из окна второго этажа, но остался жив.

Ковальчук рассказывал, вспоминая тот период:

— У меня сложилось такое впечатление, что мы все одурели от войны. У людей от всего этого ада немного крыша ехала.

По роду деятельности Юрий встречался со многими знаковыми для Донбасса людьми. Еще когда был в краматорском ополчении, ему довелось общаться с Бабаем, одним из самых ярких добровольцев первой волны. Он был веселый, воцерковленный, хотя по глазам было видно, что хулиган и гуляка. Пересекался Ковальчук и с прославленным командиром «Сомали» Михаилом Толстых, известным более как Гиви. Несколько раз брал у него интервью. Гиви был человеком весьма здоровым и рассудительным, к своим бойцам относился внимательно, хотя и строго. Жесткие наказания были за пьянки. Но больше всего бросалась в глаза его смелость, когда во время обстрелов Гиви не укрывался от снарядов, падающих совсем рядом. Приходилось Юрию общаться и с пресс-секретарем военного командования ДНР полковником Эдуардом Басуриным.

После того как тяжелые бои закончились и Донецкий аэропорт был освобожден, Ковальчук продолжал работать журналистом и параллельно писать и художественные тексты — рассказы. Ездил на заработки в Москву, возвращался на Донбасс.

На Украине у него оставалась большая мать, поэтому ему пришлось риск-

нуть и поехать туда. На месте, в Новой Каховке, он действовал по ситуации — как в глубоком тылу противника. Ему удалось проскользнуть между блокпостами, избежать проверок и не привлекать внимания. И все было хорошо — до того, как он попытался вернуться. На таможне он попался нерадивым российским служащим, которые, придравшись к документам, передали его «украинским коллегам».

Так Юра попал в плен.

Здоровье, конечно, в плену пострадало очень сильно — условия содержания и допросы «с пристрастием» сделали свое дело. Ему выбили зубы.

Ковальчук нашел возможность связаться с друзьями, коллегами, бывшей женой. Они сделали все, чтобы он попал в списки на обмен.

После освобождения в конце 2017 года он больше месяца восстанавливался.

Чтобы поддерживать себя на плаву, Юрий снова начал подрабатывать журналистом. В республиках работы много, но его куда не брали, так как в плену у него, как и у многих других военнопленных, отобрали документы. Восстановить паспорт ЛНР у него долго не получалось.

Он много думал о будущем, пытался представить, каким оно будет.

— С Донбассом будет то же, что и с Осетией, Приднестровьем. Вся эта катавасия будет тянуться еще лет 10, а то и дольше, потому что Россия до последнего будет стараться избежать прямого военного столкновения с Украиной. ДНР и ЛНР не имеют достаточно сил, чтобы хотя бы вернуть потерянные территории, — говорил он. — А в Киеве всех все устраивает — на войне можно не только зарабатывать, но и прикрывать войной свои злодеяния и воровство; под этим флагом расправляться с конкурентами и просто негодными. Так что все это надолго. Я пока сидел в украинской тюрьме, много наблюдал за дискурсом ТВ-программ и тем, что люди говорят. Так вот, они хоть и ругают правительство, но на самом деле немногим больше, чем во времена Януко-

вича или Ющенко. Все всем довольны, если не считать падающего уровня жизни, но ведь зато открываются новые ниши для воровства и наживы!

Это слова Ковальчука, сказанные в 2018 году. Сейчас мы видим, как все поменялось, и Россия в открытую защищает жителей Донбасса и остальной народ Украины на освобожденных территориях. У многих за эти восемь лет были такие упаднические настроения. Теперь же, в связи со спецоперацией и воссоединением Донбасса с Россией, у людей появилась ясное понимание того, за что

идут бои. Хотя времена и тяжелые, но многие поняли, что происходит. Что Россия своих не бросает.

К сожалению, Юрий Ковальчук не дожил до начала специальной военной операции, иначе бы принял в ней самое активное участие. Но он многое сделал для защиты Донбасса — с оружием и блокнотом в руках.

Его не стало 15 ноября 2021 года. Он умер на родине славных героев «Молодой гвардии» — в Краснодоне.

Андрей АВРАМЕНКОВ

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Мало кто понимает степь. Конники, наследники половцев и татар, истолкли ее в пыль. Великая Отечественная перемолола ее. Начинила мертвыми людьми и разорванным железом. С тех пор многие стреляли друг в друга, хороня друзей и врагов в этой извечной пыли. Так есть, и так будет.

Ямал поднялся с травяной подстилки. Потянувшись, поймал пальцами несколько ветвей хвороста и бросил в огонь. Мало бросил, зато огонь мгновенно и ярко взобрался на самые верхние ветви. Тут же приземлился, пожирая сушняк, а потом снова прыгнул вверх, хотя и не так высоко.

Поправляясь, Ямал уже более ловко схватил крепкое смолистое полено и сунул его в жар. Потянулся к баклаге с коньячным спиртом. Воха инстинктивно отдернул руку вместе с флягой, но тут же вернул ее Ямалу. Погодил, пока тот дважды выпил. Передал Джипу. Затем выпил сам.

Вместе помолчали, глотая колючий спиртовой дух и закуривая его скверными сигаретами. Вместе пожалели, что на этом веселье закончилось.

Схватился, встал Ямал! Едва передвигая пудовыми, ватными ногами спростыня, спяну, взялся за удило и тянет из реки. Матерится, теряя в темноту искры сигареты. Пружинился телом, подтаскивая к берегу добычу, мотал блесну...

Воха несколько раз тяжело стукнул выброшенную на сушу рыбу по голове. Она как будто ухнула, дернулась в агонии и затихла. Подобрали улов и бросили его в котелок. Ямал довольно собирал снасти. Сегодня он разнообразил нехитрый ужин ухой — в котелке не только пойманная им в ладонь длиной щучка, но и несколько пахнущих тиной линей и один окунь.

Уха поспела. Лишних тряпок не было, поэтому Ямал снял котелок с огня, схватившись за ушки посуды рукавами кителя. Ухая и дуя на пальцы, оттащил в сторону, в темноту — остывать. Там, наконец, ударил котелком о землю так, что чуть не выплеснул жирное варево, и начал приплясывать на фоне звезд, выделявая коленца и дуя на обожженные пальцы.

Какое-то время молча плевали в огонь. Потом, соскучившись, Воха встал и пошел ковырять палкой костер. Раздвинул превратившиеся в угли серые и едва целые ветви, затем вывернул наружу сырой жар и начал хватать голыми руками печеную картоху.

Ругался матерно и охал, выхватывая из полыма искрящие клубни. Потом собрал назад костер. Хворостинной, как коз, согнал в кучу картофелины и зазвал ос-

тальных. Взял седоватый от золы клубень и, не глядя на прилипшие деревяшки, травинки и даже муравья, вонзил зубы в желто-белый и горячий ароматный ад.

Ямал притащил остывшую уху. Вытащил ложку и с наслаждением набил полный рот.

— Вкусно!

Рядом, глодая горячее, отфыркиваются товарищи.

— Еще бы соли!

— Хватит тебе!

— Хлеба передай...

Трапеза, как скорая расправа, пронеслась... Рты жадно проглотили нехитрые блага. Где-то в реке полоснула хвостом крупная рыба. Сонно в зарослях горлица прокритчала свое «чекушка, чекушка...» и снова заснула. Взыла протяжно выть....

Развалясь, опершись на локти, лежали они в степи, жадно впитывая взором засыпающие лоскуты огня. Тихо и страшно в степи одному. И дело тут даже не в лихом человеке... Мало кто тут живет, в этом краю, ни разу не понятом нашей нелепой цивилизацией.

Солдаты никого не боятся — ни Бога, ни чертей. Под руками у них автоматы, на груди обоймы с патронами. Есть подствольники и гранаты. Есть ножи в голенищах и «ПМ» в кожаных портупеях. Есть лихая удача и готовность помереть. Есть много палой листвы врага позади. Много у них всего.

И все равно каждому в этой первобытной степи нехорошо, неловко ночью одному. Так и хочется шмальнуть в темноту, просто чтобы развеять морок.

Зрит на них тысячью зеленых глаз степная, безмерная ночь. Трещат какие-то полевые твари. Веет ночной ветер. Да так, что ноздри полнит запах сонных, жухлых, полных, назревающих летом трав — даже хочется просто улечься и навек глаза закрыть, — так они дурманят. Медленно, тонко слыша всякие звуки, шелесты насекомых и посвист травы, отъезжали в безмолвное.

Огонь, прибитый юго-западным ветром, стелился, будто бы тек по земле. Стало скучно и зябко от выползающей из реки сырости. Ямал поежился.

— Джип, сходи к реке. Принеси дровишек.

Едва различимые в темноте контуры Джипа вздыбились.

— А чего я? Там темно. Не хочу я.

Воха бросил в Джипа недоеденной картошкой.

— Иди давай! Волк тряпошный!

Ямал засмеялся. Джип неохотно поднялся. Протянул жалобно.

— Да я там ничего не увижу...

Но свирепый Воха метнул в товарища пустой консервной банкой, и тот уныло стал обувать берцы, которые снял, чтобы дать отдых усталым ногам и проветрить заколдобившиеся носки.

— Он, видать, черного ополченца боится. Потому идти не хочет...

Улыбающееся лицо Ямала полыхнуло в огоньке спички, которой он прикуривал сигарету. Джип, заинтересовавшись, бросил развязывать тугие узлы на шнурках.

— Это что еще за хрень?

— Да, расскажи, Ямал!

Воха тоже сел. Потянулся, хрустнув суставами. Ямал согласился рассказать на том условии, что Джип принесет дров для костра. Тот бросил бесплодную борьбу с узлами и, цепляясь расшнурованными ботинками за густую траву, скрылся в сырой темноте. Долго где-то там, в ее утробе, он бродил и ругался, запинаясь о камни. Наконец, вернулся с охапкой толстых веток тополя. Бросил их рядом с

ждо стрешем. Несколько сунул в угли. Веселые огоньки тут же принялись прыгать по древесной коре и тонким веточкам. Стало светлее, уютнее.

— Вот! На пару часов хватит! Рассказывай теперь.

Довольный Джип устроился поближе к огню. Рядом сел Воха. Ямал некоторое время хранил молчание, а затем с места в карьер принялся рассказывать.

— Мы тогда стояли у поселка N. Была поздняя осень, холодная и ясная. Весь 2014 год был очень холодным — замерзали летом в окопах, мерзли и осенью в этом несчастном селе. Населенный пункт разнесли вдребезги — целых домов практически не осталось. Жители все ушли. Остались только несколько совсем древних стариков, которым было не страшно и помереть. Мы же ютились по немногим брошенным постройкам. Ни электричества, ни связи у нас толком не было. Жили, как на необитаемом острове; дичали понемногу. Только мы и враг.

Украинцы стояли в одной половине села, а мы в другой. Между нами всего с полкилометра расстояния. Время от времени то они, то мы предпринимали попытки наступления, но ничего не получалось. Позиции уже пристреляны, все окопалось, как могли. Не хватало ни им, ни нам сил, чтобы сдвинуть линию фронта. Так и сидели в ожидании неизвестно чего.

Рядом с N, в глубоком тылу, расположились блокпостом казачки. Они откололись от своих в Красном Луче, когда там совсем уж публика зарвалась и начала местных податями облагать. Стало понятно, что просто так им все эти их чудеса не простят, а потому те, у кого в голове масло еще оставалось, быстро разбежались в стороны. Мы на них внимания не обращали — ни пользы от них, ни вреда. Стоят на дороге, окопы вырыли. Ну и пусть себе стоят.

Да вот беда: стали они понемногу вредить. Началось с того, что нашего хряка — Порошенку (это бойцы его так прозвали) попытались увести. Мы этого хряка пуще зеницы ока берегли. На тушенке с макаронами, сами знаете, жить можно, и притом весьма успешно. Это еще Кэп рассказывал, что когда к нему в бригаду заехали проверяющие и начали права качать, мол, больше одной банки тушенки на бойца в сутки не давать, то он им устроил посещение передовой. Подшаманил, чтобы они там остались на сутки. И сухпайка им выдали в аккурат по банке на лицо. В итоге, когда в штаб их вернули, он им уточняющий вопрос задал: «Сколько бойцу на передовой нужно в день тушенки?» Те давай руками махать: «Три, — говорят. — Никак не меньше».

В общем, тушенка и крупы, это все, безусловно, весьма хорошо, но сильно такое питание надоедает и очень хочется обычного жареного мяса. Вот и берегли мы этого хряка. Хозяева его сбежали куда-то — им в дом нормально так прилетело. Мы его и подобрали. Кормили, лелеяли, надеялись на какой-нибудь праздник пустить его в расход.

Ну, и вот казачки, а они у нас время от времени в гостях бывали, как-то по синей лавочке попытались Порошенку сманить. Отвязал его один умник и потащил в джихадомобиль. А хряк, скотина, свободу почувал, ну и, опять же, выиграла в нем кровь укропская, повалил этого дурака пьяного и погнал к своим родственникам, в смысле, к украинцам, на позиции.

У нас в секрете сидел тогда за «утесом» Вовка-Одессит. Сидит он, значится, кемарит, и тут мимо него в направлении врага пулей пролетает Порошенка. Бежит, только пыль столбом. Вовка, разумеется, понял, что это провокация и что мы вот-вот останемся без ценного ресурса. Самому шашлыка давно хотелось, ну и начал он Порошенку домой заворачивать предупредительными очередями. Пулеметчик он классный — ровно перед свинюкой набрасывал. Но животное вместо того чтобы покаяться и вернуться к нам, запаниковало и стало бегать кругами.

От всего этого шума Леха проснулся и спросонья стал по нейтральной зоне ра-

ботать из АГС. Начали рядом с предательской свиньей гранаты ложиться. Порошенка от страха совсем обезумел, аж в воздухе кувыркался и вообще такие колена выделывал, что и в Большом театре не увидишь.

В это время от стрельбы проснулись укропы. Решили, что мы на них в атаку пошли и, в свою очередь, открыли огонь. Понемногу разыгрался реальный замес. Наши парни подтянулись на коробочках, артель заработала с обеих сторон, и пошла самая настоящая войнушка. К чести нашей сказать, мы тогда на несколько сотен метров отогнали противника. Хорошо поработали. Порошенко успешно эвакуировался ближе к нашим позициям, и мы его подобрали. А на следующий день, чтобы он опять в перебежчика не играл, мы его распустили на шашлыки и супы. Так что, все остались довольны.

Воха и Джип, щерившиеся сквозь колючие бороды желтыми от никотина и крепкого чая зубами, в голос захохотали. Ямал довольно осклабился, прикурил от головни и продолжил рассказ.

— В общем, начали казачки понемногу исполнять. Им же там скучно было, на их блокпосте. Гражданских в районе уже практически не осталось, так что свою власть показать или обобрать кого уже шансов практически не выпадало. ДРГ в те степи не заходили — делать там было нечего, да и наша разведка работала замечательно. Короче, затосковали они по боевым действиям и принялись крепко усугублять.

Возникали такие случаи, что они, как напьются до смелости, прыгнут в свои колымаги и к нам на позиции рвутся. Приедут, постреляют, угомонятся немного и домой к себе едут. Герои, чтоб им неладно! А наши бойцы потом еще до утра ловят «ответку» и поминают их незлым тихим словом. Понятно, что наших такое положение вещей не устраивало. Пытались мы с ними поговорить, но оно же понятно, что трезвый пьяному не товарищ. Пока они при памяти, обещают больше так не делать. А как «накидаются» — опять к нам едут.

Как-то нашего командира это все вывело из равновесия — после очередной «ответки» у нас было три 300-х. В итоге он дал приказ: если снова появятся эти дурачки, оружие у них отобрать, а самих без членовредительства закрыть в погребе до утра, пока не проснутся. Через несколько дней, когда гости снова к нам пожаловали, мы так и сделали.

Отобрали мы у них оружие, немного намяли бока с педагогическими целями, а потом закрыли в темном погребе, чтобы они там, в холоде, протрезвились. Они особо-то и не брыкались, но один, видать, что-то успел по рации сболтнуть своему командиру. И через несколько часов этот герой к нам прилетел собственной персоной.

Вот не приехал бы он, решилось бы все по-хорошему. Промерзли бы казачки до утра, потом бы мы их супом да чаем угостили, вернули бы оружие и отправили восвояси, похмеляться. Но этот пьяный идиот в невозможной папахе и с иконостасом каких-то медалек на груди, прямо из машины выскочил с матом и гиканьем, размахивая ручным пулеметом. Кричал, что всех положит, если мы ему братьев не вернем немедленно. Что-то казаку совсем дурное белочка на ухо нашептала.

А палец на курке так и пляшет! Мы его уговаривали успокоиться; упрасивали просто. Но он только орал и орал... А потом то ли остушился, то ли совсем ополоумел, но дал вдруг очередь и попал одному нашему товарищу прямо в пах. Оставил человека инвалидом до конца его дней.

Дал он очередь и застыл. Стоит, шатается, только зенки свои залитые таращит. Я к нему подскочил и ну его прикладом в висок. Он и опал, как озимые. Мы его спеленали, оттащили в сторонку и стали своих отгонять, чтобы не порешили на месте. Раненого в госпиталь повезли — слава Богу, уберегли парня, хотя детей он иметь больше не мог.

А сволочь эта быстро пришла в себя. Лежит, глазами вращает и молчит. Видно по нему: помнит он все, что сделал. И в голове у него в этот момент проносится вся его жизнь, и прокручиваются тысячи вариантов, как же ему, болезному, из всего этого маргарина живым уйти. Лежал он, лежал, а потом как завопит: «Отдавайте меня под суд! В город меня везите!» Несмотря на то, что на душе кошки скребли, многие даже засмеялись. Я ему, чтобы не шумел, тряпку какую-то в рот воткнул.

Стали мы думать, что же с ним, дьяволом, делать? В основном мнения, конечно, сходились на том, что следует его пустить в расход. Были и такие, кто предлагал все-таки судить его по закону, отправить в город. Но на самом деле этот вариант не сильно бойцов устраивал — слишком плохо тогда наши суды работали; вполне мог стервец уйти от ответственности. Казачков мы из подвала выпустили. Когда рассказали, что произошло, они вмиг присмирели. Стоят, мнутяся, никто и слова не сказал, а по всему было видно — жалко им своего старшего.

В общем, решение этого щекотливого вопроса нашел наш командир. Притом такое решение, что понравилось всем без исключения. Решил командир дать обороту шанс. Не то чтобы слишком большой, но, по крайней мере, реальный. Снарядили мы ему полный рюкзак взрывчатки и поставили такое условие: если донесет «подарок» по-тихому до вражеских позиций, может идти на все четыре стороны. Территория там, конечно, открытая и полностью простреливается, но небольшой шанс на успех все-таки имеется. Понятно, наши снайпера всю дорогу будут контролировать, чтобы дурные мысли ему в голову не лезли и пробирался он в правильную сторону. Заодно его поддержат.

Дядька, конечно, со слезами на глазах умолял нас дать ему менее самоубийственное задание, а лучше отвезти его в ближайший город и отдать под суд, но общественность такой квест восприняла с энтузиазмом, и возможности отвертеться у него уже не было.

Что сказать, там и сам черт вряд ли бы смог выйти сухим из воды. Пробежал он, конечно, недолго. Хоть и пытался ползти, а потом бежал, петляя. Толку от этого было мало, и уже через сотню метров вражеский снайпер его снял. Попал сначала в грудь, а потом, на всякий случай, в рюкзак со взрывчаткой. Здоровенная, скажу я вам, воронка осталась.

Но вот какая штука: через несколько дней начал на нейтралке появляться силуэт человека — ну один в один наш знакомый, только, разумеется, без головы. И мы его видели, и кропы по нему сколько раз стреляли — да что ему делается? Позже нам батюшка заезжий объяснил, что поскольку тело его было неуспокоено, теперь оно ищет свою голову. И не уйдет он в мир иной до тех пор, пока не найдет ее.

Позже мы укропов от поселка N отогнали, а призрак этот стал появляться все дальше и дальше от тех мест. Говорят, что находит он павших бойцов и пытается примерять их головы, а если поймает кого ночью в безлюдном месте, то может и у живого человека башку оторвать...

Ямал со значением поглядел на товарищей, но Джип уже спал. Воха задумчиво курил, уткнувшись огоньком сигареты в белеющее предрассветное небо. Выпь в последний раз заныла в камышах и улетела куда-то. Начинало всходить солнце.

ЗНАЕТ ТОЛЬКО КОВЫЛЬ

Санька проснулся до рассвета и мигом оделся. Потом на цыпочках прокрался к входной двери и, мучительно ожидая предательского скрипа, выскользнул из дома. До восхода солнца было еще далеко. Пронзительно пискнула птица; звякнула цепью беспородная Дора в будке. Санька скользкой тенью метнулся к забору и одним рывком перескочил его. Кроссовки застучали по лунной пыли, оставляя

оستانیческие следы. Пробежав несколько кварталов, мальчик скатился в овраг и остановился, переводя дух, в условленном месте. Скоро появились его товарищи — Валик и Егор.

Егор, самый старший в компании, коротко поздоровался и кивком головы позвал ребят за собой. Троица молча двинулась сквозь предрассветные сумерки прочь от поселка в степь. Извилистая тропинка, петляя между холмов и терриконов, вела их вглубь бескрайнего дикого поля. Задумчиво кивала желтыми головками пижма; струился в холодных струях воздуха ковыль.

Мальчики шли быстро и сосредоточено. Неутомимые, крылатые детские ноги настойчиво отмеряли путь, шаг за шагом приближая их к цели. Их преследовало солнце, яростным желтком поднимающееся из недр травяного моря. Вскоре впереди показались утопающие в зелени ряды дачных домиков. Ребята с удвоенной энергией устремились к ним.

Поначалу контуры дачного поселка ничем не отличались от привычного уюта «фазенд», на которых так любят копать в земле обыватели советской закалки. Скромные одноэтажные, изредка двухэтажные домики, хозяйственные постройки, раскидистые абрикосы и черешни, заросли смородины и малинники.

Однако чем ближе мальчики подходили к дачам и чем ярче освещало поселок солнце, тем лучше становилось видно, что ветви деревьев бессильно висят, подрезанные осколками и картечью. Окна домов зияли черными беззубыми ртами; крыши во многих местах были пробиты снарядами, а кое-где на домах виднелись следы артиллерийских взрывов, как будто кто-то грыз кирпичные стены. Местами сквозь зелень чернели сгоревшие домишки.

Группа клином, с Егором впереди, врзалась в сонный покой дачного поселка, остановилась, чтобы перевести дух и нарвать вишен, щедро облепивших дерево, расколотое пополам разорвавшимся снарядом.

— Уже светло. Идти будем друг другу в затылок и очень осторожно. Ни влево, ни вправо не отходите. Смотрите под ноги — дядька говорил, что тут полно неразорвавшихся снарядов, а может, даже мин или растяжек. Надо идти остерегаясь.

Егор сурово шмыгнул и присел, чтобы потуже завязать шнурки. Серьезность его голоса заставила Валика и Саньку собраться. Ребята передохнули, а потом двинулись гуськом по обманчиво мирной улице.

Дачный поселок был небольшой, и вскоре дети вновь нырнули в разнотравье донбасской степи, мерно выбивая ногами в легких кроссовках пыль из забытой тропинки. Степь просыпалась; становилось жарко. Тягучей патокой жужжали в травах насекомые, весело переговаривались птицы. Стремглав ускакал вдаль спугнутый шагами детей заяц; заскрежетал в путанице растений фазан. В степи неясно было, что светит ярче — солнце или безоблачное синее небо.

Чем дальше уходили мальчишки в степь, тем тише становилось. Умолкли птицы, давно не слышно было далекого гула проснувшихся машин. Только насекомые продолжали жужжать вокруг и ветер едва слышно скользил, волнуя блекло-желтые волны ковыля. Тишина угнетала. Егор насупился; его друзья стали торжественно-сосредоточенными.

Вскоре тропинка вывела их на огромную проплешину горелой травы. Мальчики пошли еще осторожнее, с ужасом и восторгом осматривая панораму ада, бушевавшего недавно в степи. Неподалеку посреди огромного пятна чернели сгоревшие полевые кухни. Рядом россыпью ржавели банки из-под консервированной тушенки; среди них желтели потрескавшиеся обгоревшие кости. Ребята их не заметили.

В капонире дохлой коровой гнил взорванный танк. Рядом размотанными цепями гусениц скончался еще один — его башня валялась в нескольких метрах в стороне. Пегие от ржавчины остовы армейских грузовиков так и остались стоять

там, где они дожидались эвакуации пехоты. Повсюду виднелись воронки, изогнутые куски металла и осколки снарядов.

Дети осторожно пробирались сквозь кладбище сгоревшей техники, озирались, преисполненные ледящего душу благоговения. Присмотревшись, Санька вдруг осознал, что белеющие в куче горелого хлама камешки это человеческие кости, и тут же, как это бывает, если долго рассматривать головоломку, все прояснилось, и он понял, что выгоревшая поляна усеяна останками. С трудом сглотнув подступивший к горлу тошнотворный комок, он стал смотреть в спину Егору.

Пройдя сквозь мемориал уничтоженной техники, мальчишки оказались перед изрытым «прилетами» снарядов пригорком. Его плоть была изъедена старательно выдолбленным в сланце окопами, практически полностью засыпанными при артиллерийском обстреле. Повсюду валялись хвостовики от ракет «Града» и какие-то лохмотья. По всему было видно, что анонимные ракетчики поработали тут на славу, тщательно перекопав каждый метр холма.

Егор поглядел на циферблат наручных часов и удовлетворенно кивнул.

— Мы вовремя. Сейчас должно начаться. Дядька рассказывал, что они с 7 утра обычно начинают. Надо тихо пройтись и послушать. Их тут должно быть много. Смотрите внимательно под ноги.

Ребята рассредоточились и принялись бродить по холму, то с трудом выбираясь из полузасыпанных окопов, то взбираясь на холмики измельченной породы.

Санька невнимательно глядел под ноги. Ему уже было тошнотворно от этого места и хотелось лишь одного — как можно скорее оказаться подалее от этой выгоревшей степи с обугленными, безжизненными стволами растений. Впереди из земли как гриб вертикально торчал ботинок. Санька походя пнул его, но тот не пошевелился. Машинально он наклонился и подергал за ботинок рукой, но тот не поддавался. Санька пошел дальше.

Вдруг его внимание привлек какой-то гул. Оживившись, мальчик пошел на звук — он доносился из пригорка неподалеку. Опустившись на колени, Санька стал шарить в пыли руками и вскоре извлек из комков породы и осколков сланца дешевенький мобильный с поцарапанным экраном. Как только он достал телефон, тот прекратил звонить, но в этот миг приглушенное жужжание виброзвонка стало доноситься из соседнего окопа. Потом еще откуда-то дальше.

Послышался торжествующий вскрик Егора. Санька сунул пыльный телефон в карман, поднялся с колен и найдя глазами товарища подбежал к нему.

Егор был занят. В руках он держал обгорелую человеческую кисть, сжимающую большую и плоскую шайбу смартфона. Егор что есть сил пытался вырвать чудом уцелевший — даже не поцарапанный — телефон из мертвой хватки его владельца, но разжать пальцы не удавалось. За его потугами заворуженно следил Валик, также успевший уже разжиться трофейным средством связи.

Егор схватил одной рукой телефон, а второй кисть руки и сильно потянул их в разные стороны. Раздался какой-то противный звук, и человеческая плоть отделилась от мобильного, оставив только небольшой кусок кожи на его поверхности. Санька отвернулся. Его стошнило. Где-то рядом из-под земли заныл еще один телефон. За ним еще один.

Егор ногтем содрал кожу с экрана смартфона и вытер пальцы о штанину.

— Вот это да! Это же дорогущая вещь! У моего дядьки и то дешевле!

Валик и Егор с интересом рассматривали устройство, и даже Санька подошел поближе. Егор пытался включить телефон, но ему это не удавалось. Вокруг назойливо жужжали похороненные мобильные. Внезапно экран загорелся и из темноты черного зеркала как будто выпрыгнуло гротескное женское лицо, а из динамика заревел гимн Украины.

От неожиданности Санька подпрыгнул, а Егор уронил телефон в пыль, но тут

же поднял его снова. Звонок преврался, чтобы потом зазвучать вновь. Егор с раздражением сбросил его, но украинский гимн тут же снова поплыл над степью. Теперь мальчик искал, как выключить мобильный, но ему это не удавалось, а незнакомое женское лицо, окаймленное гимном усопшей страны, вновь и вновь тошнотворно взывало к степному безмолвию.

— Ответь ей или выключи, — занервничал Санька.

— Да, хватит уже! — поддержал его Валик.

Егор, сопя, продолжал бороться с незнакомым ему устройством и, наконец, раздраженно нажал на зеленую трубку, поднес телефон к уху и резко выдохнул: «Что?»

На миг телефон умолк, а потом разразился смесью рыданий и невнятного бормотания. Потом (вероятно, трубку взял кто-то другой) раздался мужской голос.

— Васыль?! Васыль?! Цэ ты? Ты дэ? Не могу до Пэтрадзвонитысь. Шо там в вас коэться?

Мужской голос опять исчез, сменившись отвратительным бабьим воем и причитаниями, потом мужчина снова вернулся.

— Васыль, що там в тэбэ?

Санька вопросительно посмотрел на Егора, а тот недобро ухмыльнулся и отчетливо проговорил в микрофон.

— Капец твоему Васылю. И Петру тоже капец.

Неосязаемый канал связи налился почти ощутимым, желеобразным молчанием.

— Шотикажеш? Ты хто? — как-то беспомощно проговорил мужской голос. За ним нарастал жуткий нутряной вой.

— Говору капец им. Не понял что ли? Поехали твои сепаров стрелять, да вот теперь тут валяются. По частям. Могу руку прислать, если хочешь. А лучше сам приезжай. И тебе место есть. Руку для тебя оставляю — потом заберешь... — Глаза Егора сверкали, он почти шипел. — Вы ж думали, что тут нас всех сразу возьмете, так хрен вам!..

— Хлопче, шо ты такажэш? — умолял голос в мобильном, но Егор что есть силы хватил телефоном о землю и для верности несколько раз впечатал его ногой.

Он тяжело дышал. Валик отсутствующе смотрел в сторону. Санька беспомощно икнул.

— Укропы ссаные! — выдохнул Егор и попытался сплюнуть, но у него пересохло в горле. Он достал из рюкзака пластиковую бутылку с водой и отхлебнул несколько раз, потом передал бутылку икающему Саньке.

— Чего встали? Вон, слышите, сколько их там звонит? Давайте собирать и домой быстрее. Мне еще сегодня надо отцу дома помочь...

Мальчики молча разбрелись по могильнику, старательно прислушиваясь к жужжанию телефонов под землей.

